

В О Ж И Д А Н И И Ю Б И Л Е Е В...

НЕДАВНО музыкальная общность столицы отметила юбилей Василия Андреевича Золотарева. Чествование девяностолетнего композитора проходило празднично, торжественно. Еще бы: он достойный наследник и продолжатель традиций русских классиков — ученик М. А. Балакирева и Н. А. Римского-Корсакова, друг А. К. Глазунова и А. К. Лядова, воспитатель не одного поколения музыкантов. Достаточно сказать, что приветствовали своего учителя представители Московской, Киевской, Одесской, Минской, Свердловской консерваторий, музыкальные деятели многих других городов страны. Восторженные речи, поздравления, большой концерт из сочинений «именинника», включивший и произведения самых последних лет (1962 года!). Куда уж праздничней, радостней, приятней, уважительней! Только...

Только почему для многих, кто был в тот вечер в Большом зале Консерватории, интереснейшее творчество Василия Андреевича было неким «открытием»? Почему даже профессионалы лишь в день девяностолетия своего коллеги «обнаружили» вдруг в нем композитора, чье письмо отмечено яркостью тематизма, виртуозным владением формой, прочной опорой на народные истоки (так писал один из рецензентов о прошедшем юбилее)? Почему в речах выступавших «лейтмотивом» проходило сожаление, что концертные организации, радио до сих пор (!) недостаточно уделяли внимания популяризации музыки В. Золотарева (а им написано в общей сложности около 400 произведений). Правда, при этом звучали и утешительные нотки упования на недалекое будущее: де, мол, огромные достоинства музыки этого автора — ясность, простота, доступность языка, высокий профессионализм и глубина замысла явятся залогом большого успеха его произведений у слушателей. Неужели же никому невдомек было подумать обо всем этом и раньше? Неужели только в обстановке официального торжества пристало заботиться о том, чтобы сделать достоянием масс искусство, созданное человеком, для которого, говоря словами Белинского, «...жить не значит столько-то лет есть и пить, биться из чинов и денет... Жить значит — чувствовать и мыслить».

Да, всю свою долгую жизнь В. Золотарев чувствует, мыслит, творит. Так, наверно же, он заслужил гораздо больше, чем юбилейное словословие, наверно, его произведениям давно дозволено было занять почетное, прочное место на концертных эстрадах, в радиопрограммах...

Грустные мысли о праздничном событии усугубились после другого юбилея, оставленного не с такой пышностью и торжественностью, но тоже юбилея — радиопередачи, посвященной семидесятипятилетию видного советского композитора Анатолия Александрова. Естественно, нашлись для этой программы очень интересные сочинения, нашлись все добрые слова, способные выказать искреннее уважение к большому художнику, высокопрофессиональному мастеру — автору двух опер, свыше десятка фортепьянных сонат, нескольких квартетов, большого количества камерных вокальных сочинений (кстати, за ряд романсов и фортепьянных пьес А. Александров был удостоен Государственной премии, как и В. Золотарев за балет «Князь-озеро»). Только опять все слова нашлись лишь к случаю — ко дню рождения, когда принято поздравлять, говорить приятное, высказывать счастливые пожелания.

А ПОМИМО юбилеев, помимо дат, случаев, обстоятельств, «мероприятий», разве не достойны были большего внимания общности и эти композиторы, и многие другие труженики искусства? Их много, очень много, скромных тружеников, которые порой по неведомым причинам

остаются непримеченными, в тени, но, самоотверженно отдавая все силы, активно помогают умножать победы советского искусства.

Во всех областях искусства много их, «негласных» творцов — и молодых, и среднего поколения, и старшего. Повторяю, речь идет не о ремесленниках, не о бесталанных людях, а о тех, кто кирпичик за кирпичиком кладет в строительство самой передовой в мире советской культуры, которые остаются вне широкой аудитории, вне критики, вне прессы.

Но ведь советская многонациональная культура — это многообразное и богатое целое, созданное не пятеркой или десятком ведущих талантов, а большим отрядом художников, разных по характеру дарований, но сплоченных единством идейных позиций, эстетических принципов, одним методом искусства — искусства социалистического реализма.

Так, в истории советской музыкальной культуры разве можно было бы умалить значение творческих завоеваний Прокофьева или Мясковского, разве можно было бы снизить масштабность вклада, внесенного Шостаковичем и Хачатуряном, Кабалевским и Хренниковым, Свиридовым и Караевым, да и многими другими? Но ведь за ними, как говорят, во втором и третьем «эшелонах» — отнюдь не безликая, серая масса ремесленников. Нет, это одаренные, интересные художники, каждый из которых в меру сил своих, в меру таланта работает на благо народа, на благо страны.

Можно буквально на выбор назвать не одного, не двух, а десятков композиторов (даже столбчатых!), чье творчество отмечено и высоким профессионализмом, и яркостью, самобытностью письма, и значительностью тематикой, и все же, по странному равнодушию, остается без должного внимания.

Ну, к примеру, что знают широкие массы о С. Баласаняне (да даже, что знаем мы, профессионалы, о его творческой жизни, о планах, о новых сочинениях)? Часто ли встречается его имя в прессе, многие ли произведения звучат в концертных программах, театральных залах? А ведь они поистине одна из ярких фигур в советской музыке. Достаточно вспомнить, каким «откровением» для москвичей явился балет «Лейли и Меджнун», показанный в столице во время одной из декад национального искусства. Этот балет мог бы стать репертуарным и украсить наряду с прославленными советскими балетами сцены многих театров страны. Мог бы — к столь досадному обороту речи приходится в этой статье обращаться не раз. Именно мог бы, но не стал. И самое обидное, что при этом никто не говорит о недостатках музыки С. Баласаняна, напротив, воздаются все похвалы и драматургическим качествам балета, и диалогичности развития сюжета, и человечности, теплоте, лиричности выражения. Музыканты признают С. Баласаняна талантливым художником с яркой творческой индивидуальностью, признают на словах, в беседах или в какой-то редкой — к случаю — специальной статье в специальном журнале. А поговорите со слушателем, даже любителем музыкального искусства, попытайтесь узнать, что он слышал о Сергее Артемьевиче Баласаняне, и, уверена, ваш собеседник окажется в затруднительном положении.

Еще москвич — Н. Раков, музыкант большого ума, большой культуры, плодотворно продолжающий и развивающий традиции отечественной классической школы. Как и С. Баласанян, это музыкант с ярко выраженной творческой индивидуальностью. Я не случайно подчеркиваю — творческой индивидуальностью, ибо за последнее время мы крайне сузили и ограничили это понятие суммой формально-стилистических приемов: раз оригиналь-

ность, самобытность дарования, значит, какой-то сверхоригинальный, ни на что не похожий язык. Вовсе нет: творческая индивидуальность — это прежде всего свой взгляд на жизнь, своя жизненная тема, свой излюбленный круг явлений, идей, образов, которые разрабатывает художник с наибольшим интересом и любовью. У Н. Ракова — свои привязанности и интересы: это исконно русский музыкант по всему строю мышления, по складу языка, по приемам гармонического письма, инструментовки. Тяга к народной тематике, к русскому фольклору оказалась у него и в том, что, помимо симфоний, оркестровых сюит, скрипичных концертов, пьес для фортепьяно, для скрипки, помимо романсов, духовой музыки, он создал произведения для народных инструментов (немногие советские композиторы уделяют внимание этому жанру).

Удивительно привлекательна манера письма Н. Ракова, отличающаяся просветленным, раздумчивым тоном, ясностью мысли, какая приходит к художнику в годы высокой зрелости, и вместе с тем язык его эмоционален и выразителен, взволнован и искренен. В таком случае, что же мешает широко пропагандировать его музыку, почему давно не слышно, над чем он работает, естественно, спросит читатель. Действительно, что же мешает? Почему?..

Впрочем, не в лучшем положении и А. Спадавеккиа. На его творческом счету ряд масштабных музыкально-сценических произведений, имеющих полное право на активную жизнь, но, по существу, нашли место «под солнцем» лишь балет «Берег счастья» и опера «Овод». Мало! Ведь даже «Хождение по мукам», несмотря на недостатки, отмеченные в свое время критикой, можно было бы доработать, довести до «кондиции» и сделать репертуарным. И оригинального, остроумного, яркого «Швейки» неплохо было бы шире пропагандировать, и при нынешней репертуарной бедности театров музыкальной комедии весьма уместно было бы вспомнить о «Сердце скрипки».

Антонио Спадавеккиа много пишет, много работает, а имя его лишь изредка мелькает в театральной афише да упоминается в числе десятка других в каком-нибудь докладе одного из руководителей Союза композиторов... Опять все те же навязчивые вопросы: что мешает? Почему?

Почему годами никого не интересует композиторская деятельность Е. Макарова, Е. Голубева, Н. Будашикина, Л. Кrippера, З. Левиной? (Я умышленно говорю здесь только о москвичах: они у всех на виду). Почему ни у кого не появляется желания хотя бы из любопытства заглянуть в творческую лабораторию М. Осокина, Л. Шульгина и многих других композиторов, проживших уже большую жизнь в искусстве?

Даже Александр Холминов, автор популярнейшей в стране «Песни о Ленине», по существу, обходится молчаливым. Трудно было бы утверждать, что талант композитора не признали: «Песня о Ленине» оценена по достоинству как одно из величайших достижений советского искусства. Очень хорошо, только у А. Холминова много другой музыки, тоже талантливой, тоже яркой. И в ней не с меньшей полнотой сказались особенности дарования художника, которому органически чужды внешняя поза, помпезность, крикливая эффектность приемов. Сердечное, лирическое отношение к жизни, к окружающей действительности, чистота чувств, ясность мысли — вот что определяет творческую натуру этого музыканта. Профессиональное мастерство А. Холминова очень высоко, сейчас он работает над оперой, а для широкого слушателя он так и остается «безвестным» автором или, для более просвещенных, созда-

телем одной велико-лепной песни.

Вспомним, какие горячие споры вели специалисты о творчестве молодых поэтов, билась со всей прямотой и откровенностью, ломали «копья». Вопросы стояли действительно самые насущные, самые острые: какой путь избрала молодежь — строитель культуры будущего, в таком ли направлении должна развиваться советская литература. Так почему же в поисках истины оппоненты оперировали, по существу, тремя именами, варьируя их в разной последовательности: Вознесенский, Рождественский, Евтушенко; Евтушенко, Вознесенский, Рождественский и т. д. Неужели же только они, спору нет, очень одаренные поэты, в состоянии решить своим творчеством все проблемы советской поэтической школы? Неужели не достойны внимания и многие другие? Ведь очень много у нас интересных поэтов и совсем молодых, и постарше?

Было бы надоедливым и скучным повторять те же самые слова об изобразительном искусстве, ибо и там происходит подобное, и там «герои» критических статей и хвалебных — ограниченный круг имен.

Между тем все успехи советского изобразительного искусства достигнуты трудом многих — и самых известных, и самых маститых, и совсем «рядовых».

Ну, к примеру, много ли написано о прекрасном акварелисте Ю. Коровине? А ведь он уже вступил в зрелую пору творчества, он в расцвете творческих сил, у него есть свое видение жизни, своя манера письма, свой почерк. Не раз работы Ю. Коровина экспонировались на выставках. Он не подвергался критике, потому что не сбивался с пути, но ведь о нем не сказали и теплого слова.

Или эстонская художница Л. Муута. Это тоже зрелый мастер (она примерно ровесница Ю. Коровина). Ее работы тоже не однажды выставлялись на выставках и нравятся зрителям. Да и не удивительно — живописная манера Л. Мууты ярко индивидуальна, и вместе с тем художница не манерничает, не пытается доказать, что ей одной ведомы «тайны бытия» — ее картины реалистичны по всему строю образного языка. И все же Лейли Муута — кому, кроме профессионалов и жителей республики, это имя что-нибудь говорит?

Петрозаводский живописец Ф. Ниemiенен, скульптор Л. Давидова-Медене (Латвия), портретист В. Переславец (из Студии им. Грекова) — они пришли сейчас на память потому, что все они примерно одного возраста, одного уровня профессионального мастерства, все участвовали на всесоюзных выставках и остались «безвестными», хотя давно заслужили, как и многие другие «средние», того, чтобы о них узнали широкие круги любителей искусства.

КАК ГОВОРИЛ великий Моцарт, людям нужна взаимная поддержка и обмен мнениями. Только тогда сможет развиваться искусство. А вот как раз обмена мнениями, дружеского совета, поддержки — увы, такого удостоиваются далеко не все и даже далеко не большинство деятелей искусств. В иной тому, несомненно, в значительной мере критика.

«...критика есть самовластная царица современного уместного мира... вопрос о том, что скажут о великом произведении, не менее важен самого великого произведения. Что бы и как ни сказали о нем... это прочтется прежде всего, возбудит страсти, умы и толки» (Белинский).

Пожалуй, уже пришло время всем тем, кому вверена «наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств...» (Пушкин), почувствовать почетность и ответственность этой миссии, и расширить сферу внимания, уделив его и тем, кто не вошел в число «упоминаемых». А то и в самом деле многим и многим большим и талантливым художникам придется уповать лишь на будущее в ожидании юбилеев...

М. ИГНАТЬЕВА.